Все пришли посмотреть их сцену из-за известного соперничества между Цзян Чжэн и Цзи Муе. «Царство Дунну» изменило статус мужчин и женщин и создало совершенно иной эмоциональный сюжет. В нем господин Цзи всегда подавлялся злым дьяволом Цзян и даже не смел пикнуть.

Режиссер Син Вэймин позвал двоих поговорить о фильме. В сердце Тан Циньлань Цуй Лин был храбрым и находчивым, талантливым, но его личность была загадкой. Она специально попросила его влезть на дворцовую башню и зайти к ней в комнату. Шкатулка в темном отделении была лишь дымовой завесой, чтобы проверить Цуй Лина. Он осмелился подняться и вернуться, что на самом деле заставило Тан Циньлань меньше насторожиться. Она попросила его зайти на деревянную лестницу, чтобы подняться наверх вместе. Во-первых, чтобы показать свою привязанность к нему, а во-вторых, потому что он хорошо владел боевыми искусствами. Если на деревянной лестнице возникнет опасность, он сможет спасти её. В-третьих, она боялась, что Цуй Лин сбежит. Почему она волновалась, что он сбежит, может быть, сама Тан Циньлань и не понимала.

Поэтому в этой сцене с деревянной лестницей Цзян Чжэн хотела выразить сложную психологию Тан Циньлань с помощью микровыражений лица, поэтому она даже использовала брови там, где это было необходимо. А Цзи Муе нужно было показать загадочные, запутанные, скованные и бесстрашные — противоречивые эмоции Цуй Лина.

Син Вэймин: «О, я могу не волноваться о вашем актерском мастерстве. Просто играйте на своем обычном уровне».

Цзи Муе скромно сказал: «Рядом с учителем Цзян я всего лишь профан».

Син Вэймин: «?»

Цзян Чжэн торопливо замахала руками: «Нет-нет-нет, если учитель Цзи профан, то я простая женщина».

Син Вэймин: «??»

После того, как два босса бездонно смирились, они продолжили съёмки.

Камера переместилась вперёд.

«Вы хотите сбежать?» — спросила Тан Циньлань легким тоном, её алые губы слегка приподнялись.

Рукоятка кнута приподняла подбородок Цуй Лина, его веки опустились, и ресницы слегка задрожали. С робким видом на лице он сказал, что этот простолюдин не осмелится.

Но Тан Циньлань всё ещё не верила, что он действительно испуган.

«Вы сопровождайте меня». На суровом лице Тан Циньлань появилась улыбка, но эта улыбка заставляла людей содрогаться ещё больше.

Сердце Цуй Лина дрогнуло, и он медленно поднял глаза. Только тогда Тан Циньлань поняла, что когда этот человек серьёзен, его глаза ясные и кроткие, как журчащая река летом на горе Мордо. Когда он несерьёзен, кончики его глаз приподняты, а глаза хитрые и лукавые.

«Эта деревянная лестница не для простолюдина. Неприлично идти по ней. Этот простолюдин не осмеет», — слово за словом сказал Цуй Лин, полный добродетели и морали.

Глаза Тан Циньлань сузились, и её позабавили его слова. Она убрала рукоятку кнута и высокомерно повернулась спиной: «Когда вы обнимали меня, все эти соображения вы бросили в реку Рушуй? Что? Хотите подобрать их сейчас?»

«Этот простолюдин виновен!» — сказал он.

Син Вэймин: «…» О боже. Лицемеры.

Далее Цуй Лин был вынужден сделать это, поэтому он ступил на деревянную лестницу и стал на колени у ног Тан Циньлань.

Среди скрипящих звуков деревянная лестница медленно поднималась, а сильные мужчины, тянувшие канаты, кричали: «Да здравствует Её Высочество тысячу лет!»

Внутри зала премьер-министр Су достал указ из рукава, говоря, что покойная императрица издала указ перед смертью о том, что если Её Высочество принцесса не сможет унаследовать престол, её муж Су Минчэнь станет преемником.

Как только эти слова прозвучали, все были потрясены. Вы должны знать, что в Царстве Дунну женщины были у власти на протяжении многих поколений, а мужчины считались ниже женщин. Это была основа государственного устройства.

Однако к востоку от Царства Дунну была угроза со стороны процветающей династии Тан, с запада их домогались тибетцы, а с юга пристально смотрели наньчжао. Окруженные сильными врагами, все из которых были богаты и храбры, в последние годы в Царстве Дунну и вправду появилась тайная идеологическая тенденция, согласно которой некоторые считали, что страна слаба, потому что женщины у власти. В сочетании с частыми пограничными войнами в последние годы мужчины Царства Дунну потели, но не могли сделать официальную карьеру, и их личное недовольство усиливалось. Но изменение государственного строя было равносильно смене династии. Об этом заговоре тайно шли разговоры, и людям даже не разрешалось обсуждать это в частном порядке. Поэтому министры, присутствовавшие здесь, догадывались

об истинности или ложности этого указа.

Внезапно вывели отца Тан Циньлань, Су Минчэня. Он сидел в инвалидном кресле, с больным лицом и худым телом, очевидно, что ему недолго осталось.

Семья Су всегда была знатной, а Су Минчэнь был родным братом премьер-министра Су. Жаль только, что в Царстве Дунну женщины ценились, а мужчины считались низшими. Су Чанцин мог войти в правящую династию в качестве премьер-министра, в то время как Су Минчэнь мог войти во дворец только в качестве супруга императрицы.

Су Минчэнь дважды кашлянул: «Где труп Циньлань?» Люди живут, чтобы видеть людей, а умирают, чтобы видеть трупы. Нельзя же сразу открыть рот, и человек исчезнет.

Су Чанцин притворилась, что не слышит, подняла одежды, стала на колени и закричала: «Да здравствует император, да здравствует!» Она хотела быстро разрубить этот узел, стоит только её старшему брату взять печать, и классовая структура Царства Дунну можно будет считать полностью изменённой.

Кашель Су Минчэня становился всё сильнее и сильнее. Су Чанцин бросила взгляд на охранника рядом с ней, и охранник поспешил с нефритовой печатью.

Далее последовала первая кульминация шоу.

Её Высочество, держа длинный кнут и в короне из золотых драгоценностей, появилась за дверями зала с кривой усмешкой, как призрачная тень.

Премьер-министр Су сфабриковала фальшивый указ, сговорилась с внешними врагами и замыслила мятеж, за что была схвачена на месте. Ни один из её группировки не смог сбежать.

Тан Циньлань подошла к отцу и дрожащим голосом сказала: «Отец, вы всегда с нетерпением ждали возвращения дочери».

Су Минчэнь внезапно прикрыл рот и сдержал гнев, а хриплым голосом произнёс: «Уходи быстрее. Посмотри на свою матушку-императрицу».

В глазах Тан Циньлань мелькнуло разочарование. Однако она сдержала эмоции, подняла нефритовую печать из руки охранника и уставилась на неё, как будто ей было, что сказать, но это превратилось лишь в вздох. Затем она повернулась посмотреть на министров.

Новая императрица взошла на трон, и они начали кричать «Да здравствует императрица!»

Далее состоялись похороны бывшей императрицы, были усмирены мятежники, и, наконец, прошла церемония восшествия на престол новой императрицы. Менее чем за полмесяца в

столице воцарилось спокойствие.

Однако кто был этот странный мужчина, который шаг за шагом следовал за новой императрицей?

Новая императрица взошла на трон, а её супруг был неопределённым. Вероятно, этот мужчина был… Все подавляли эту мысль в своих сердцах и не решались много говорить, чтобы защитить себя, запуганные величием новой императрицы.

Съёмочная группа работала сверхурочно, разделившись на две смены, чтобы снимать днём и ночью.

Под руководством ведущих актёров-первопроходцев все были очень мотивированы, стремясь пройти с одного дубля, чтобы закончить съёмки и пораньше вернуться домой.

В этот день съёмочная группа переместилась в спальню отца, Су Минчэня, чтобы снять сцену, где новая императрица навещает отца.

Сейчас был конец весны, но в спальне Су Минчэня всё ещё горел бездымный уголь. Его тело боялось холода, он кашлял, когда ему было холодно, поэтому там, где он жил, было тепло круглый год.

Раньше Тан Циньлань каждый день приходила сюда приветствовать мать-императрицу и отца. В то время мать всегда предупреждала слуг и приказывала, чтобы здесь всегда был угольный огонь, а медицинский отвар своевременно подавался супругу.

Теперь одного человека не стало, а другой остался в одиночестве, но четыре угла угольного огня всё равно не могли остановить чувство уныния, распространявшееся здесь.

Цуй Лин остановился и поклонился в двух метрах от Тан Циньлань.

Взгляд Су Минчэня скользнул по нему и, наконец, остановился на новой императрице.

«Семья Су была наказана, женщины сосланы, а мужчины обращены в рабов…»

Не успел он договорить, как услышал, как новая императрица усмехнулась: «Отец хочет сказать, что дочь решительна или жестока? Может быть, вы хотите сказать, что вы тоже из семьи Су, и если дочь действительно хочет справедливо наказать, то вас тоже нужно посадить в тюрьму?»

Су Минчэнь прикрыл рот и закашлялся, а слуга рядом поспешил вперёд, чтобы похлопать его по спине и погладить грудь.

Цуй Лин молча слушал и всё больше чувствовал, что здесь неподходящее место, чтобы долго оставаться. Новая императрица была беспощадной, даже осмелилась использовать слова, чтобы высмеять собственного отца, и не желала проявлять даже малейшую порядочность.

Однако все эти дни Тан Циньлань водила его за собой повсюду, и иногда она лениво держала его за руку и спрашивала: «Ты опять думаешь о побеге?»

Су Минчэнь какое-то время кашлял, а затем хриплым голосом сказал: «У императрицы случился внезапный сердечный приступ, об этом есть медицинские записи придворных врачей. Су Чанцин изготовила поддельный указ, я не знал об этом заранее».

Тан Циньлань тихо рассмеялась, как будто её совершенно не волновало это. Она медленно встала и огляделась. «Отец, вы можете спокойно заботиться о своей жизни здесь. Другие министры не знают».

Цуй Лин поджал нижнюю губу, она всё-таки оставила отцу какое-то достоинство. Или, вернее сказать, она дала ему приличный способ жить.

Тан Циньлань слегка поклонилась и попрощалась. Су Минчэнь внезапно спросил: «Что ты собираешься с ним делать?»

Цуй Лин интуитивно почувствовал, что речь идёт о нём. Он не осмелился поднять голову, поэтому мог только пожать плечами и притвориться мёртвым.

Тан Циньлань подошла к нему и медленно улыбнулась: «Его я отпущу через несколько дней».

После этого новая императрица отправилась на поле для боевых искусств.

Цуй Лин был её спарринг-партнёром и чуть не был сброшен кнутом несколько раз.

Любой мог видеть, что новая императрица была не в духе.

По дороге обратно в спальню, как обычно, Цуй Лин сопровождал её на деревянной лестнице. Только Тан Циньлань сидела, а он стоял на коленях.

Атмосфера сгустилась.

Тан Циньлань вдруг бросила на него взгляд: «Как тебя зовут?»

Они знали друг друга больше полумесяца, но Тан Циньлань никогда не спрашивала его имени, поэтому он, естественно, не осмеливался назвать свою фамилию.

Цуй Лин опустил голову и тихо сказал: «Докладываю Вашему Величеству, этого простолюдина зовут Цуй Лин».

Цуй Лин? Иметь иероглиф «могила» в имени - несчастливо.

«Давайте изменим. Лин Юнь, Лин означает честолюбивый».

Цуй Лин, то есть Лин Юнь, замешкался и поклонился в знак благодарности.

Тан Циньлань внезапно хлопнула по трону, Цуй Лин бросил взгляд и поспешно опустил голову.

«Здесь рано или поздно будет твоё место».

«Если попробуешь сбежать, тут же умрёшь».

«Ты столкнулся со мной, и я дала тебе шанс сбежать».

«Если ты сбежишь, я перерою Дунну, Тан, Туфань и Наньчжао и обязательно верну тебя».

Голос Цзян Чжэн едва смолк, как Син Вэйминь закричал «Снято!»

Холод и решимость в глазах Цзян Чжэн ещё не исчезли, а лицо Цзи Муе всё ещё было полно шока.

Все осторожно переступали, не смея побеспокоить двоих на деревянной лестнице.

Сердце Цзи Муе стучало, а в сюжете царица жёстким тоном выразила свои чувства простолюдину.

Я отдам тебе своё сердце. Если ты посмеешь его попрать или проигнорировать, я убью тебя.

Эти строки казались величественными и преследующими, но выглядели крайне искренними.

Цзи Муе мог бы справиться и выдержать, если бы эту сцену играл кто-то другой, но Цзян Чжэн произнесла эти слова, и он немного растерялся… и почувствовал, что краснеет.

Цзян Чжэн увидела, что Цзи Муе всё ещё стоит на коленях, и неосознанно потянулась помочь ему подняться. В этот момент подошёл Хань И с кашлем.

Цзян Чжэн тут же отдёрнула руку и серьёзно сказала: «Мистер Цзи, разве у вас не болят колени?»

Цзи Муе пришёл в себя, встал и спокойно протиснулся на трон, сев рядом с Цзян Чжэн.

Цзян Чжэн: «?»

Цзи Муе легко улыбнулся: «Ты сказала, здесь будет моё место».

http://tl.rulate.ru/book/79166/3299868